

вспомнить всё, что он слышал о Высоцком, вспомнить, что слышал из Высоцкого, но тут гитара издала стон, который, казалось, ничего не имел общего с музыкой, и зал наполнили звуки песен, никогда не звучавших в этом добропорядочном советском очаге культуры.

Я — Як-истребитель
Мотор мой звенит,
Небо — моя обитель.
А тот, который во мне сидит,
Считает, что он — истребитель...

Вспоминать было некогда, потому что низкий хриплый голос певца наполнил зал, который буквально затаил дыхание.

В этом бою мной «юнкерс» был сбит,
Я сделал с ним, что хотел.
А тот, который во мне сидит,
Ужасно мне надоел.

Только сейчас Березняк осознал, что песня поётся от имени железного самолёта, и подумал, что, быть может, те творения, которые создают они, конструкторы, инженеры, тоже имеют душу, и этот хриплый парень сумел в неё проникнуть, а создателям это не дано?

Каждый метр волжских берегов помнил о недавно отгремевшей войне, земля окрест была нашпигована осколками мин, снарядов, обломками танков, самолётов, и она сердцами людей, сидящих здесь вблизи слова песен о войне, так непохожих на все те, что пелись раньше.

Из бомбардировщика бомба несёт
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизатор поёт:
«Мир вашему дому».

Мгновенно в памяти всплыл эпизод, когда он, Березняк, нынешним летом на рыбалке наткнулся на останки бойцов в заросшей бурьяном воронке. И тогда подумалось, что мира в нашем доме не будет, пока не похоронен последний погибший солдат Великой Отечественной. Возможно, так думали и другие, поскольку тот, который на сцене, словно угадывая настроение слушателей, ударил по струнам:

На братских могилах
не ставят крестов
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов
И Вечный огонь зажигает.
А в Вечном огне
видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск
и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

Ещё на бегу в зал Березняк успел прочитать афишу сегодняшнего концерта. Она звучала так: «Музыка и поэзия в театре и кино», но, разумеется, никто и не ждал от надрывавшего душу певца каких-то слов по теме, обозначенной в афише. Все хотели слушать этого молодого человека, непостижимым образом сумевшего вобрать в себя все радости и беды современного бытия, и — силой своего невероятного таланта рассказать о них сверстникам. И не только им.

Все срока уже закончены
И у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены,
Надпись «Все ушли на фронт».

— Откуда он всё это знает, ведь совсем молодой, мальчишка? — Березняк не сразу понял, что это говорит сидящий рядом Образцов. Этот вопрос и ему сейчас не давал покоя, но что-то мешало, что-то не давало признать тот факт, что ты сегодня присутствуешь на концерте, который даёт выдающийся артист невероятного таланта...

А выдающийся артист невероятного таланта уже сошёл с военной тропы и запел отчаянно приветствуемую зрителями, видимо хорошо им известную очередную песню, в которой вдруг приоткрылась ранняя душа поэта:

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!»
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну.
Дом хрустальный на горе для неё,
Сам, как пёс бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи.

Зал надрывался от аплодисментов, и Березняк понял, что творчество этого человека, сдерживаемое и отнюдь не поощряемое, овладело душами его современников настолько прочно, что все запреты будут только во вред тем, кто хотел бы поставить плотину на пути этого мощного поэтического потока.

Люблю тебя сейчас
Не тайно — напоказ.
Не «после» и не «до»
в лучах твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,
Но я люблю сейчас,
А в прошлом не хочу,
а в будущем — не знаю.
В прошедшем «Я любил» —
Печальнее могил,
Всё нежное во мне бескрылит
и стреножит.
Хотя поэт поэтов говорил: «Я вас любил.
Любовь ещё быть может...».

Потом Березняк прочтёт где-то, что существует волшебная сила искусства, которая поднимает с глубин души позабытое, сокровенное, любимое. Чем иным объяснить то, что в эти минуты Березняк вспомнил о первой влюблённости, которая случилась в невероятно далёкие довоенные годы в альпинистском лагере. И словно чтобы подтвердить это, Высоцкий запел из «Вертикали»:

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы —
просто некуда деться!
И спускаемся мы с покорённых вершин,
Оставляя в горах,
оставляя в горах своё сердце.

«А ведь не было у меня времени более счастливого и радостного, чем время, проведённое в горах, — внезапно подумалось нашему герою. — Ведь, если где и была свобода, то только там, на заоблачных склонах Эльбруса или Теберды. Вся жизнь прожить в жёстких рамках ограничений, которые на тебя накладывают общество, строй, условности, не могут не отразиться на психике, на личности. Но с другой стороны, на Эльбрусе нет жизни...»

Что же делать —
И боги спускались на землю.

Артист подошёл к маленькому столику, на котором стоял стакан воды, отхлебнул глоток, вытер мокрое от пота лицо и вновь вернулся к микрофону:

— Я не первый раз в Дубне, и мне очень нравится здешняя аудитория. Хотя меня постоянно предупреждают, чтобы я вёл себя поосторожнее, тут всё пропитано секретам, тут государственные тайны, и я не должен касаться острых тем. А как я могу их коснуться, ей-богу?

Мы бдительны —
мы тайн не разболтаем,
Они в надёжных жилистых руках.
К тому же этих тайн мы знать не знаем,
Мы умникам секреты доверяем,
А мы, даст бог, походим в дураках.
Мы телевизоров понакупили.
В шесть — по второй —
смотрели про хоккей,
А в семь — по всем —
Нью-Йорк передавали.

Я не видал, ребёнка мы купали,
Но там у них, наверное, окей!
Хотя волнуясь, в голове вопросы:
Как негры там? Убрали ли урожай?
Как там в Ливане? Что там у Сомосы?
Ясир здоров ли? Каковы прогнозы?
Как с Картером? На месте ли Китай?

Он словно забавлялся, рассказывая всем, кто в этот вечер собрался в «Мире»,

о них самих, о себе самом, о нашей жизни.

— Я теперь понимаю, — это снова Образцов, — почему мои студенты с ума сходят по Высоцкому. Он первый, наверное, из публичных людей говорит с ними на их языке, без словесной шелухи обо всём наиболее важным, обо всём злободневном.

— Для этого самому надо быть свободному ото всей этой шелухи, о которой вы говорите. Как ему это удалось, ума не приложу.

— Талант, Александр Яковлевич. Талант. Иного тут быть не может.

А Высоцкий снова отпил воды и сказал, что заканчивает выступление, но может спеть ещё несколько песен по желанию публики. И тотчас зал, словно сговорившись, стал кричать: «Диалог у телевизора», про «товарищей учёных», «Баньку по-чёрному»... Видно было, что собравшиеся хорошо знают репертуар московского барда.

Высоцкий словно ждал этого, потому что тотчас, без привычного перебора струн запел:

Товарищи учёные!
Доценты с кандидатами!
Запутались вы с иксами,
запутались в нулях.
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель
на полях.

Товарищи учёные!
Кончайте поножовщину.
Кончайте ваши опыты —
едрит и андигрид,
Садитесь вон в полуторку,
езжайте к нам в Тамбовщину,
А гамма-излучение денёк повременит.

Сказать, что зал горячо встречал эту песню, значит, ничего не сказать. Он стоял от восторга, подбадривая певца аплодисментами после каждой строфы.

Значит так.
Автобусом к колхозу подъезжаем,
А там рысый — и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с солью её намать.

Березняк вдруг почувствовал себя, словно его обманули. Не далее как нынешней осенью он неожиданно столкнулся с некоторым непониманием значения помощи колхозу в своём коллективе. Едва ли не впервые в своей практике. После того как он, вернувшись из райкома, выступил с информацией о необходимости помочь подшефному колхозу с уборкой картофеля, услышал голоса недовольства: говорили недавно приехавшие по распределению два молодых специалиста. Нас, дескать, в институте гоняли в колхоз, и здесь то же самое.

Березняк кольнуло слово «гоняли». Он сказал, что у них как раз это дело добровольное. Кто не хочет, может не ехать. Александру Яковлевичу казалось, что его люди ездят в колхоз даже с охотой, превращая выезд за город в некоторое подобие пикника. Часов до трёх обычно работали ударно, а потом на костра, где в ведре весело булькала молодая картошечка, собирався круг людей, и на расстеленных холстинках появлялись колбасные круги, нарезанный крупными кусками хлеб, запотевшая поллитровка. И, наконец, вываливалось содержимое ведра. («Небось, картошку все мы уважаем, когда с солью её намать»).

Но так было в их коллективе. Наверное, где-то ещё тоже так. Но то, что люди по большей части с неохотой ездят в колхоз на уборку урожая, для Березняка (как и для любого советского руководителя), разумеется, секретом не было, но он (как и все знакомые ему советские руководители) полагал, что его подчинённые, как и он, понимают необходимость этой меры. А райкомы, горкомы не уставали говорить, что без помощи горожан колхозы как наиболее отсталый в техническом отношении блок советского хозяйственного механизма не могут выполнять свои задачи. На Украине горожане ездили убирать свёклу, в Казахстане — сено, в Узбекистане студенты и школьники на месяц отправлялись в колхозы на сбор хлопка. Это

были, если так можно выразиться, правила игры, и их следовало соблюдать. А те, кто возражал Березняку, соблюдать эти правила отказывались. Но мысль о том, что на сутки надо останавливать сложнейший процесс конструкторской работы, не нравилась и самому Березняку. Однажды он об этом заговорил в райкоме: сколько можно специалистов высочайшего класса, способных запускать ракеты, летящие за три звука, посылать в сентябрьскую непогоду ковчег в борозде, а потом лечить простывших людей, труд которых важен именно в КБ. Березняку мягко, но настойчиво посоветовали больше этот вопрос не поднимать, поскольку может создаться впечатление, что он не понимает политики партии.

Ах, если бы он мог сказать, всё, что думает об этой самой политике. А он не мог. А этот лицедей с гитарой может! «Сидите, разлагаете молекулы на атомы, забыв, что разлагается картофель на полях».

Наверное, и эти ребята из ядерного института, что сейчас подошли к рампе и хлопают барду, тоже задают начальству вопросы: зачем атомщикам ехать в колхоз? А начальники, понимающие политику партии, вертятся, как ужи на сковороде.

Размышляя таким образом, Березняк поспешал за Образцовым, который, в свою очередь, пробивался сквозь гомонящую молодёжную толпу к стоящему в фойе новому директору института Николаю Боголюбову. С Николаем Николаевичем Березняк встречался только на пленуме райкома партии и не был близко знаком, поэтому не знал, как вести себя, хотя то, что он пришёл на концерт Высоцкого, кое о чём говорило. Но и здесь связующим звеном оказался Образцов.

— Теперь я понимаю своих студентов, которые даже в институт ходят с магнитофонами, — говорил Образцов, заходя вслед за своими спутниками в кабинет директора клуба. — Они чувствуют, что певец этот говорит с ними на одном языке, говорит о том, что волнует всех. Однако у нас в институте запрещено проигрывание магнитофонных записей, — поспешил добавить он.

— Думаю, не только с молодёжью у него общий язык, — осторожно вступил в разговор Березняк. — Какие замечательные песни о войне. «Я — Як-истребитель»! Огромного потенциала артист. Но, по-моему, по краю ходит... «Когда с солью её намать...».

Боголюбов надел пальто, пожал руки спутникам и, собираясь уходить, задумчиво протянул:

— Власть может быть жёсткой, доброй, какой угодно, но только не смешной. Александр Яковлевич, а вы не игнорируйте нас. Заходите, мы ведь в одном городе живём.

Потянулись к выходу и Образцов с Березняком. Прощаясь, Иван Филиппович сказал:

— Александр Яковлевич, у нас всё не получается встреча на вашей территории, но лекцию у нас в институте я не отменяю. После зимних каникул мы ждём вас. Хорошо? До встречи.

Погружённый в раздумья Березняк сел в машину и на малой скорости повёл её на Левый берег. Концерт московского артиста оставил глубокое впечатление, поскольку — Березняк это прекрасно ощущал — глубоким был и сам артист. Но, скорее всего, ходу ему не дадут, а вот над «Товарищами учёными» все смеялись от души. Да, пожалуй, не от души, а с горькой иронией. Смешными там выглядели не председатель колхоза, который предлагал гамма-излучению денёк повременить, и не доценты с кандидатами, которые славно поработали и славно отдохнули на картофельном поле. Смеялись над властью, которая не в состоянии устранить этого противоречия. Тут два пути. Или задвинуть не в меру разошедшегося артиста, или наладить работу так, чтобы горожане не выезжали на поля. Скорее всего, пойдут по первому пути. И быстрее, и привычнее.

Заводской посёлок на Левом берегу уже спал, и, загнав машину, Березняк потихоньку стал подниматься к себе на этаж...